

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

А.В. Ганин

Революционные события 1917 года и начало Гражданской войны на Юге России в дневнике полковника Н.А. Рота¹

В 2016 г. был обнаружен и спасен для науки уникальный дневник офицера русской армии полковника Н.А. Рота за период 1916-1918 гг. Поскольку речь идет о первом упоминании документа из частной коллекции (предполагается его передача в Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына), необходимо начать с внешней характеристики этого источника.

Дневник представляет собой две небольшие тетради в линейку с чернильными записями под заголовком «Выдержки из дневника офицера Генерального штаба (апрель 1916 г. – январь 1918 г.)». Записи охватывают 46 листов в первой тетради и 39 листов – во второй и в действительности начинаются с 4 марта 1916 г., но ретроспективно затрагивают и более ранние события. Предваряется и заключается дневник повествованием о службе Н.А. Рота и о его трагической гибели. По всей видимости, эти записи были сделаны уже в эмиграции кем-то из знавших офицера лиц. Поскольку почерк везде одинаковый, очевидно, текст дневника был переписан позднее.

В конце дневника в таком же переписанном виде приводится сопроводительное письмо переписчика: «Дорогой Александр, не получил от Тебя ответа на мой запрос, стоит ли посылать Тебе дневник Коли Рота. Все же решаюсь послать его с Димой – может быть явится возможность его издать. Повторяю, что считаю единственным возможным способом – это продать его издательству, выговорив возможно выгодные условия для вдовы покойного и его детей. Может быть, можно оставить семье покойного право

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

на перевод на иностранные языки. По желанию вдовы покойного все имена, о которых автор отзывается нелестно (это касается, конечно, только тех лиц, у которых у автора могли быть личные отношения) заменены мною инициалами. Думаю, что в том виде, в каком дневник здесь переписан, он вполне может быть издан.

Справки, прилагаемые мною в начале и в конце, а также на полях – к сведению издательства, для использования.

Пишу кратко, т.к. только сейчас, перед отъездом Димы, кончил переписывать. Прости, что навязываюсь, но думаю, что и Тебя это заинтересует.

Крепко целую Тебя и Светлану, за себя, Асю и Стаську.

Любящий друг Георгий.

P.S. Считаю нужным сказать, что первые строки записи 14го марта 1917 года мною сокращены. В подлиннике, после слов: "...не может быть на ответственных местах", написано следующее (про Н.Н.):

– "Мне его не жаль. В талант его я никогда не верил, он это ясно доказал в начале войны; вся его доблесть и энергия выражалась в грубом обращении с генералами и в рванье зубами фуражки, как видно, способности не Бог весть какие и доступные каждому смертному".

Следует ли это включать – не берусь судить отсюда¹. Речь шла о великом князе Николае Николаевиче (младшем) и о возможности по политическим мотивам опубликовать критическую оценку его деятельности.

Судя по открывающей первую тетрадь дневника записи «Музей Л. гв. Конной артиллерии», дневник хранился в этом музее и имел шифр № 388. Сопоставление данных дневника с другими источниками подтверждает его достоверность.

Николай Александрович Рот родился 30 марта 1883 г. В 1903 г. он окончил Пажеский корпус, служил в гвардейской конной артиллерии. На Крещение 6 января 1905 г. произошел скандально известный «Иорданский выстрел», когда возле Зимнего дворца обстрелу картечью из предназначенного для салюта артиллерийского орудия подверглась царская семья. Расследование показало, что в одном из орудий остался картечный заряд после недавних учений.

¹ *Рот Н.А.* Выдержки из дневника офицера Генерального штаба (апрель 1916 г. – январь 1918 г.). Тетрадь 1. Л. 46-46об.

После этих событий Н.А. Рот вместе с другими офицерами батареи Его Величества (включая его родного брата) был отдан под суд. Рот поступил благородно: «Лично на себя я навалил больше, чем сделал; сам взял вину, что не осмотрел свой взвод перед салютом, хотя единственный это сделал. Не хотел отделяться от других; отвечать – так уж отвечать всем»¹. Спустя 12 лет, в январе 1917 г., Рот с горечью вспоминал об этом в дневнике, отмечая, что искали злой умысел там, где имела место обычная российская халатность: «Неужели сразу не было ясно, что все заключается в нашей милой постоянной халатности!»² Офицера приговорили к трем месяцам заключения на гауптвахте, но по Высочайшему повелению на Пасху 17 апреля (через неделю ареста) освободили, за что он испытывал благодарность к императору даже через многие годы.

Затем Н.А. Рот был переведен во 2-й конно-горный артиллерийский дивизион. Обучался в Офицерской кавалерийской школе и в Императорской Николаевской военной академии, которую окончил по 1-му разряду в 1912 г. После академии Н.А. Рот был прикомандирован к штабу Киевского военного округа для испытания по службе Генерального штаба, совершил секретную поездку в Богемию на маневры австро-венгерской армии. С октября 1913 г. Н.А. Рот проходил цензовое командование эскадронам в 9-м гусарском Киевском полку.

Принял участие в Первой мировой войне в качестве старшего адъютанта штаба 12-й кавалерийской дивизии, которой командовали генералы А.М. Каледин и К.Г.Э. Маннергейм. Их характеристики встречаются на страницах дневника. Н.А. Рот неоднократно исполнял должность начальника штаба дивизии. В августе 1915 г. Н.А. Рот был назначен старшим адъютантом штаба 2-й кавалерийской дивизии, затем в октябре занял должность и.д. штаб-офицера для поручений при штабе II кавалерийского корпуса. 15 августа 1916 г. он был произведен в подполковники. В августе – сентябре 1916 г. временно исполнял должность начальника штаба 9-й кавалерийской дивизии, а с января 1917 г. периодически исполнял должность начальника штаба II кавалерийского корпуса. Наконец, 16 мая 1917 г. Н.А. Рот занял пост и.д. начальника штаба 2-й Сводной казачьей дивизии и находился на этом посту до конца года. За боевые отличия офицер был награжден Георгиевским оружием,

¹ Там же. Л. 12–12об.

² Там же. Л. 11об.

орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. с мечами. Когда Н.А. Рот был произведен в полковники, установить не удалось. По всей видимости, это произошло в 1917 г.

В декабре 1917 г. он по приказу командующего IV казачьим корпусом генерала Я.Ф. фон Гилленшмидта вместе с корпусом выступил на Дон. На Дону Рот в течение двух недель в середине декабря 1917 г. занимал должность начальника штаба Северного фронта обороны Донского войска (в «Казачьем словаре-справочнике» указана и другая должность – начальник штаба западного участка обороны Новочеркасска), под чужим именем совершил дерзкую поездку в Киев на свидание с семьей, откуда благополучно вернулся на Дон, по всей видимости, в январе 1918 г.

Офицер занимался ликвидацией дел штаба дивизии. После занятия Новочеркасска красными 12 (25) февраля 1918 г. «окончив все дела по сокрытию и уничтожению документов штаба, полковник Рот садился на извозчика вместе с военным чиновником штаба, чтобы ехать на вокзал. В эту минуту их остановил проходивший патруль и потребовал предъявить документы; найдя их в порядке, патруль отпустил их, но проходящий в это мгновение по улице казак всмотрелся в лицо полковника Рота и, узнав его, закричал, – Стой, стой, это наш начальник штаба. Полковник Рот и бывший с ним военный чиновник были моментально схвачены и арестованы. В ночь с 17 на 18 февраля оба были расстреляны вместе с атаманом Назаровым и другими офицерами. Вдова чиновника добилась выдачи их тел и, похоронив их, с оставшимися вещами своего мужа и полковника Рота приехала в Киев, где и рассказала о всем случившемся вдове последнего, передав ей вместе с его вещами и дневник покойного»¹. Очевидно, это описание не вполне точно (известно, что вместе с атаманом Назаровым были расстреляны только офицеры). По другой версии, офицер попал в плен под станицей Кривянской во время движения в Степной поход².

Н.А. Рот погиб в возрасте 35 лет³. Сохранилось описание его расстрела в журнале «Донская волна», согласно которому Рот был

¹ Там же. Тетрадь 2. Л. 37-37об.

² Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, 1969. Т. 3. С. 38.

³ В двух справочниках С.В. Волкова ошибочно утверждалось, что Н.А. Рот служил на белом Юге вплоть до 1920 г. и погиб в Югославии

расстрелян в составе группы из семи офицеров¹. Вдова, Елизавета Эммануиловна, эмигрировала в США, где скончалась в 1974 г. У полковника остались четверо детей: Александр, Георгий, Николай и Татьяна².

На страницах дневника перед нами предстает мыслящий и высокообразованный офицер, монархист, тяжело переживающий события жизни страны и армии, любящий солдат (исключая тех, что разложились в результате революции) и относящийся к ним как к своим младшим братьям. При этом он является носителем традиционной для кадрового офицерства системы взглядов, не исключая и националистических (офицером не раз в негативном контексте упоминались евреи³). Представления Н.А. Рота о революции и разложении армии в целом типичны для кадрового офицера.

Дневник содержит воспоминания о боевых эпизодах прежних лет, а также рассуждения по самым разным вопросам военной и политической жизни, включая народную психологию, природу войн, итоги и перспективы революционных перемен, подготовку кадров Генерального штаба, германский милитаризм, характер Первой мировой войны, вопросы тактики, дисциплину. В тексте много высокопарных фраз о любви к Родине, долге и чести. Тем не менее, они представляются искренними. Описание революционных событий и связанные размышления нетривиальны. Особую ценность представляют свидетельства о малоизвестных событиях переброски IV казачьего корпуса с Юго-Западного фронта на Дон в конце 1917 г., а также о начальном периоде Гражданской войны на Дону. Портретные зарисовки в дневнике немногочисленны, но также представляют интерес. В частности, воспоминания автора дневника о генерале А.М. Каледине в годы Первой мировой войны.

(*Волков С.В.* Офицеры армейской кавалерии: опыт мартиролога. М., 2004. С. 453; *Он же.* Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. М., 2011. С. 578), позднее эти данные были скорректированы (*Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 2. С. 321).

¹ *Севский В.* Тринадцать вопросов (из материалов революционного суда) // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1918. № 1. 10 июня. С. 8.

² *Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Т. 2. С. 321.

³ *Рот Н.А.* Выдержки из дневника офицера Генерального штаба (апрель 1916 г. – январь 1918 г.). Тетрадь 1. Л. 5, 27; Тетрадь 2. Л. 32.

На Февральскую революцию Н.А. Рот откликнулся уже 4 марта 1917 г.: «Я устал и морально, и физически, голова работает плохо, но сейчас переживаю такой исторический момент, что беру себя в руки, заставляю себя писать, чтобы впоследствии можно было бы установить нить моей мысли в момент небывалого исторического события.

С той минуты, когда я вчера узнал под строжайшим секретом то, что сейчас вижу перед собой в строках Высочайшего манифеста, – окончательно перевернуло мою душу и выбило из душевного равновесия. Знаю только одно, что случилось нечто грозное и непоправимое, и Государь отрекся от престола. Какая душевная драма за эти дни произошла в его душе, какой ужасный перелом, когда он увидел себя одиноким и когда те, по вине коих он потерял корону, не сумели сделать то, что обязан сделать каждый честный дворянин – не сумели даже прилично умереть, а может быть, жалея свою шкуру, уговорили его отказаться от борьбы!

То, что действительно произошло в Пскове, мне, конечно, не известно; правду мы узнаем потом; но сейчас так больно, так жаль, жаль до слез Его, как человека!

Я твердо помню, что я у него в личном долгу; это чувство было для меня тем священным знаменем, к которому тянулась моя душа в часы тревог и сомнений; благодаря этому чувству я до сих пор – на фронте. А теперь – кому я служу? Манифест говорит, что только в том случае Михаил примет власть, если его изберет народ, – значит теперь тот флаг, тот лозунг, к которому надо тянуть, это Россия. Так и сказано в последнем манифесте Царя: во имя блага России Он, сознавая, что Ему не под силу дальше вести ее к победе и славе, и снял со Своей головы корону.

И пусть же этот пример Первого русского человека, русского Царя, послужит и мне примером, маленькому временному начальнику штаба; пусть временно забуду свои интересы, свое личное Я, и посвящу сейчас все мысли и дела единой, мощной и неделимой России!»¹

В записи от 6 марта чувствуется растерянность: «События текут и развиваются своим чередом; надо писать, пусть потомство знает то, что думали мы, которые сковывали счастье России на поле сражения. В голове тот же хаос, тот же рой мыслей, который ни на чем определенном остановиться не может.

¹ Там же. Тетрадь 1. Л. 22об.

Постараюсь хоть рядом сравнений поймать нить своей мысли, авось тогда она будет рельефнее...

Храм разрушен и ограблен, тяжелым снарядами уничтожен алтарь, иконы сброшены и разбиты на куски; от церкви остались лишь одни стены. Но отчего же, когдаходишь в эти голые, поруганные стены, невольно снимаешь фуражку и творишь крестное знамение?

Храм – это Россия, алтарь – ее царь. Кошунственная рука уничтожила самое святое в церкви, но благоговение к ее стенам осталось у верующего человека. Пусть разбит алтарь, пусть сорваны иконы, но виноваты ли в этом стены? Я их все-таки люблю так же, как и любил тогда, когда храм сиял во всем блеске величия и славы!

Другая картина. Любимый полк строится после атаки; большинство его, его цвет остался там, где-то на поле; штандарт пропал и находится в кошунственных вражеских руках! – Но все же, эти жалкие остатки без своего символа, без своего штандарта, дороги моему сердцу, и по-прежнему я люблю свой полк!

Так и тут: как храм без алтаря, как полк без штандарта, – люблю Тебя, моя бедная, несчастная родина, и Тебе, потерявшей свою эмблему, свое лицо, я продолжаю служить! Но пусть не думают те, которые сейчас узурпировали власть, что я служу им. Каждый понимает, что теперь считаться с ними нельзя, что надо во имя победного окончания войны мириться с фактами – надо сейчас ждать и исполнять свой долг – не пуская врага в пределы страны.

Но волосы становятся дыбом, когда задаешь себе вопрос: – во имя чего мы дрались? Неужели мы проливали свою кровь и уложили цвет своего населения для того, чтобы дать власть куче самозванцев? – И хочется верить, что нет, что настанут лучшие времена для великой России, когда вся накипь, все отбросы, сейчас вырвавшие власть, падут под железной рукой диктатора, под мощный клик победных легионов: – “Да здравствует Цезарь!”¹! Эта запись показывает неприятие генштабистом тех сил, которые пришли к власти в результате революции.

Запись от 8 марта пронизательно-тревожна: «С той минуты, когда вчера ночью я прочел приказ “г-на Гучкова”, я понял, что выиграть кампанию нельзя, и мы ее бесповоротно проиграли. Ко-

¹ Там же. Л. 23об.–24об.

нечно, мы все здесь исполним свой долг, будем драться до конца и умрем, надеюсь, “не посрамив земли Русской”, но рассчитывать на хороший исход нельзя. Временное правительство бронируясь громкими словами, само вносит такую разруху в армию, какую не мог внести никакой старый режим. Пункт приказа, гласящий, что нижние чины и офицеры имеют право быть членами политических союзов, – говорит все. Глупее выдумать что-либо трудно и выдумать такую штуку может только тот, кто желает продать Россию неприятелю.

Неужели не ясна аксиома, что первое требование, которое следует предъявлять вооруженной силе – это беспартийность, второе – дисциплина. Без дисциплины армия – опасная толпа. Теперь же перед лицом неприятеля оба эти принципа нарушены и проведены через приказ; им же нарушено то славное, которое необходимо для победы, – а именно взаимное доверие и любовь между офицерами и солдатами.

Если раньше, иногда, стоило невероятных усилий заслать обратно в цепи бегущих солдат, то возможно ли будет это теперь, когда приняты все меры, чтобы развратить солдат и внушить им, что их офицеры, те, которые их водили к победе и смерти – их враги! Да и кто же смеет так говорить, кому судить наши взаимоотношения? – Куча мерзавцев и негодяев, “союз рабочих депутатов”! Сколько они получили от немцев за свой труд – секрет, но иначе не может быть.

Будущее все покажет; дай Бог, чтобы я не оказался пророком, дай Бог лучших дней, но пред лицом своей совести я не могу не сознаться, что шансы на победу сведены господами “освободителями” на нет. Бедная Россия, бедная армия, что вас ожидает в будущем, но все же, что бы то ни было, что бы ни случилось, но мысли мои и все силы принадлежат сейчас вам!»¹

Кадровый офицер-генштабист с первых дней революции пришел к выводу о тяжелых последствиях начавшегося для армии и страны развала. 9 марта Н.А. Рот в связи с новым приказом А.И. Гучкова отметил: «Весь ужас в том, что мы скованы на фронте и обязаны нести свой долг здесь, а то иначе, думаю, было бы достаточное количество людей, которые охотно “тряхнули бы Москвой” – в данном случае Петроградом»². Как монархист автор

¹ Там же. Л. 24об.–25об.

² Там же. Л. 25об.

дневника писал о необходимости царя для страны. В летних дневниковых записях ретроспективно смену власти офицер расценивал как «желание кучки мерзавцев ввести у нас республиканский строй»¹. Активных и пассивных участников отречения императора Н.А. Рот считал необходимым повесить².

Несмотря на новые порядки, Н.А. Рот пытался поддерживать дисциплину. Так в первые недели марта он сорвал с одного из унтер-офицеров нашивку за вальяжный разговор с офицером, позднее приказал снять красные банты явившимся с ними на присягу³. Возмущение офицера вызывали страх начальства перед солдатами и потакание углублению революции. Сталкиваясь с разрушительными приказами, Рот полагал, что эти приказы снимают ответственность с младших командиров за будущий разгром и развал армии. Спокойствие же, по мнению генштабиста, наступит только после приказа Временного правительства о расстреле совета депутатов и отправки тыловых гарнизонов крупных городов на фронт. Неприятие вызывали и попытки дробления армии как единой силы на различные политические кружки. Каждый день воспринимался как движение по наклонной плоскости: «Что ни день – то новая глупость. Какое нравственное убожество представляет современное правительство, как ясно теперь, что эти люди для управления государством совершенно не пригодны. Вчера додумались до проекта уничтожения дисциплинарного устава. Какая новая очередная глупость ожидает нас завтра – неизвестно» (запись от 20 марта)⁴.

Дневниковая запись от 7 апреля 1917 г. посвящена размышлениям о жизненных целях в новой обстановке: «Раньше у меня была цель жизни; я знал, за что дерусь; я знал, что дерусь за благо своей родины, преследующей известные исторические задачи. Я знал, что, умирая, буду иметь сознание, уходя в иной лучший мир, что пал за Веру, Царя и Отечество. Что же осталось теперь от всего этого? Ужас в том, что теперь этого сознания у меня нет, и за что я дерусь, за что, может быть, придется умирать, я не знаю. Вера – но ее почти нет, господство православной церкви уничтожено; не сегодня-завтра объявят, что Бога нет. Царь – но он ушел,

¹ Там же. Л. 39об.

² Там же. Л. 41об.

³ Там же. Л. 26–26об.

⁴ Там же. Л. 28.

отрекся от престола, а нового нет, да и вряд ли скоро будет. Отечество – да разве оно есть? Можно ли сейчас считать отечеством то, что не преследует национальных, своих исторических задач, а говорит лишь о господстве всемирного пролетариата!

Мы отказались от своих исторических задач, разрушили веками созданный государственный строй, давший Великую неделимую Россию и накануне зенита своей славы, когда победная война, с приобретением того, что нам действительно нужно, уже почти была закончена, полетели куда то в пропасть. Мы сами отказываемся от завоевательной политики, сами говорим, что нам ничего не нужно. Какой ужас, какой сплошной позор! Неужели мы уложили цвет своей нации для того, чтобы создать величие всемирного пролетариата? – какая жалкая роль в истории! Каким страшным проклятием, каким ужасным презрением заклеят нас наше потомство. Мы сознательно разрушили нашу армию и наивно думали, что она способна удержать натиск германцев, если они действительно пожелают наступать. Говорят: зато мы боремся за “свободу”. – За чью, позвольте вас спросить? За свободу пролетариата, а не за свободу России. Да и где она эта свобода – большего произвола, чем сейчас, найти трудно.

Чем я гарантирован, что представитель “благородной нации” за три года войны, за утраченное здоровье в благодарность не всадит мне штык в спину? Где же тут свобода?

Тяжело, грустно и тошно писать, больше не могу. По грехам нашим покарал нас Господь, отняв наш разум¹.

Характерна оценка итогов революции в сравнении со старым режимом, приведенная 16 апреля 1917 г.: «В истории мы будем служить ярким примером для других народов, как, будучи почти в зените своей славы, нация добровольно обрекла себя на позор поражения и на гибель. Валишь на старый режим тут нечего; он был плох, но катастрофу создал не он, а исключительно новый строй»².

Н.А. Рот с горечью писал о прогрессирувавшем разложении корпуса, о частой смене командиров, что вело к развалу. По мнению офицера, за два месяца с марта по май 1917 г. армия превратилась в толпу хулиганов. Появление А.Ф. Керенского на посту военного министра офицер считал позором. Этому политическому деятелю на страницах дневника достаются такие эпитеты, как

¹ Там же. Л. 28об.–29об.

² Там же. Л. 30–30об.

«пигмей», «фигляр», «паяц», «шарлатан», «жалкий прохвост», человек с куриными мозгами¹.

Уже на новом месте службы во 2-й Сводной казачьей дивизии 3 июня 1917 г. Н.А. Рот отметил, что ничего не хочется делать, а работа валится из рук, поскольку «все, что было свято, все, что заставляло работать, возбуждало лучшие струны человеческой души, все это втоптанно в грязь, предано проклятью, заплевано и осмеяно толпой хулиганов, олицетворяющих сейчас русское правительство, русскую власть, русское “общественное мнение”!»². Революцию Рот называл проклятой.

В той же записи офицер рассуждал о том, что для выхода из кризиса стране необходима твердая рука и военная диктатура. Эти мысли присутствовали у него постоянно, начиная с первых послефевральских дней. Позорной, по мнению Н.А. Рота, являлась даже идея мира без аннексий и контрибуций. В одной из записей он пояснил эту свою мысль – при заключении такого мира в результате войны за рынки сбыта, получалось, что все жертвы были напрасны³. Напрашивался вопрос, зачем продолжать воевать ни за что.

Для понимания мировоззрения офицера любопытны рассуждения о милитаризме и социализме. По мнению Н.А. Рота, социализм не исключал милитаризма, поскольку мир живет борьбой, а война – нормальное явление. Войну народов во имя идеалов любви к Родине он считал красивой, в отличие от борьбы труда и капитала, когда речь шла или об ограблении имущих или об эксплуатации неимущих.

Ошибочной, по мнению Рота, была отмена в армии «палки капрала», под которой, очевидно, понималось рукоприкладство унтер-офицеров. Офицер писал: «Палка капрала, – да разве она мешала побеждать? Она только заставляла идти вперед порочные элементы, попавшие в строй; она обращала в машину человеческий индивидуум, заставляя его слепо подчиняться чужой воле. Что же мы видим сейчас? Знаменитая палка сломана; стало ли от этого лучше? Стал ли лучше, нравственнее, благороднее и храбрее наш солдат? – Нет, он стал гораздо хуже, он упал до такого нравственного уровня, с которого ему подняться очень, очень трудно, и может быть – и никогда»⁴.

¹ Там же. Л. 32об., 37; Тетрадь 2. Л. 35об.

² Там же. Тетрадь 1. Л. 32.

³ Там же. Тетрадь 2. Л. 5.

⁴ Там же. Тетрадь 1. Л. 34об.–35.

Офицер вспоминал примеры солдатского героизма А. Осипова, подорвавшего вместе с собой пороховой погреб в Кавказскую войну или А.Д. Макухи, которому австрийцы отрезали язык за отказ сообщить сведения о русских войсках в Первую мировую¹, противопоставляя их герою революционной эпохи – убийце своего командира Т.И. Кирпичникову. Из этого в дневнике сделан вывод, что с «палкой капрала» создалась великая Россия, а с демократией и комитетами страна превратилась в посмешище. Немало строк уделено воспоминаниям о доблести солдат русской армии.

Армия Временного правительства не выдерживала критики и в сравнении с армией Великой Французской революции, которая была воодушевлена патриотизмом, имела свирепую дисциплину и, более того, в ней возникла передовая для своего времени тактика колонн, превосходившая линейную. По мнению добросовестно заблуждавшегося в этом вопросе Н.А. Рота, новую тактику уже невозможно выдумать, «все, что было возможно, уже выдумано человечеством. Теперь эпоха техники, а не гения, и тот, кто будет иметь больше орудий и снарядов – тот победит»². Офицер возмущался тем, что Германия в тылу напрягала все силы для победы, тогда как рабочие в России лишь митинговали и работали по восемь часов в сутки. В записи от 17 августа 1917 г. Н.А. Рот отмечал: «Стоило лишь оторвать солдата от офицера, уничтожить влияние последнего на первого, и солдат из героя обратился в “товарища” и хулигана. Пресловутая драгомировская “серая скотинка” выросла и обратилась в “пребольшую и настоящую скотину”, властно положившую ноги на стол!»³

Мысли офицера летом 1917 г. занимал и вопрос о причинах успеха пропаганды большевиков. Причины этого Н.А. Рот видел в утомлении солдат войной, отсутствии веры в вождя, авантюризме командного состава, когда ценой огромных потерь генералы зарабатывали себе награды и чины, причем высокие потери считались едва ли не критерием эффективности военачальника.

¹ Подробнее см.: *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010. С. 110–111. На задней обложке этой книги помещен портрет героя.

² *Рот Н.А.* Выдержки из дневника офицера Генерального штаба (апрель 1916 г. – январь 1918 г.). Тетрадь 1. Л. 35об.–36.

³ Там же. Тетрадь 2. Л. 11.

Н.А. Рот писал о блефе «наступления Керенского» летом 1917 г., тревожился за будущее страны, которая должна проиграть войну из-за «демократизации» армии. Чтобы разобраться в путях преодоления развала, обращался он и к республиканскому опыту не только Франции (в том числе и к революционным событиям 1870 г., разгоревшимся на фоне франко-прусской войны), но и Древнего Рима.

По мнению офицера, либералы способствовали поражению России в войне, причем до конца 1916 г. общественные организации не дали армии ни одного снаряда¹. Временное правительство предпочитало даже потерпеть поражение на фронте, только бы не лишиться завоеваний революции. Среди последствий недальновидной политики, по мнению Рота, не только утрата всех завоеваний, но и потеря Финляндии и Малороссии.

Размышлял офицер и о народных героях. Не в пример другим странам, в России, по его мнению, преклонялись не перед монархами, а перед бунтовщиками вроде Степана Разина и Емельяна Пугачева. Причем в народе воля воспринималась как ни чем не ограниченная свобода и анархия. Резюмировал офицер следующим образом: «Мы сейчас угроза всему цивилизованному миру, если круто не изменим своих понятий и идеалов, и, увы, не заслуживаем права на свободное существование!»²

Рассуждения о природе войны в записи от 6 августа 1917 г. привели автора дневника к мысли, что теперь религиозные или династические войны невозможны (в первом случае он ошибался), а цель современных войн – обладание рынками. О возможности сепаратного мира Н.А. Рот высказывался следующим образом: «Прекратить войну фактически нельзя, ибо мы связаны договорами с народами, преследующими не фантастические, а реальные цели. Прекратить нельзя, т.к. тогда нас будут считать за “политических шулеров”, а такая репутация в действительности грозит существованием всего государства»³.

Разумеется, отражены в дневнике и текущие события. В записи от 6 августа упоминалось, что генерал Л.Г. Корнилов стал выступать решительнее. По мнению Н.А. Рота, только в диктатуре могло быть спасение страны⁴. Введение смертной казни, как считал

¹ Там же. Тетрадь 1. Л. 44.

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Тетрадь 2. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 2.

офицер, уже привело к остановке бегства солдат с фронта. Однако надежды офицера не оправдались. Очередным ударом стало падение Риги 21 августа 1917 г. и усугубление развала армии. В записи от 27 августа 1917 г. отмечено: «С такой армией воевать нельзя, поправить и сделать ее боеспособной невозможно; это – банда, способная лишь грабить, жечь и насиловать, и позорно удирать с поля сражения. Лить кровь нет никакого смысла – борьба возможна лишь только тогда, когда есть хоть маленький шанс на успех»¹.

Единственная за долгое время радостная запись не о прошлом, а о настоящем появилась 29 августа в связи с выступлением генерала Л.Г. Корнилова: «Исторический день! Получено сведение, что Корнилов объявил себя диктатором и идет на Петроград. Пока сведения обо всем идут через разных комиссаров и комитеты. Судя по их литературе, у Временного правительства все идет гладко, но между строк чувствуется растерянность. Та же растерянность и у всего начальства; впрочем, все ли обуяны “страхом иудейским”, сказать трудно, ибо, по-видимому, вся связь в неприятельских руках.

Ощущение, в общем, такое, что сидишь на бочке пороха с зажженным фитилем, но я, как-то, спокоен»².

В разгар событий Н.А. Рот даже отправил телеграмму поддержки донскому атаману генералу А.М. Каледину – своему прежнему начальнику по 12-й кавалерийской дивизии, которую в письме супруге охарактеризовал как крик души: «Ген. Каледину. Познакомившись с Вашей речью на Московском совещании, я и офицеры штаба дивизии шлем Вам, как первому, имевшему смелость бросить слова правды, наши горячие пожелания счастья и успеха. Да поможет Вам на этом поприще Бог! Твердо верим, что герой Руды, Линденфельда, Беднарува и Луцка сумеет, опираясь на доблестное казачество, указать путь дальнейшего процветания и благополучия нашей несчастной Родины!

Пошли, Боже Всемогущий, Боже сил, успех Корнилову и Каледину в деле возрождения России!»³

В письме супруге, изложенном в записи от 1 сентября, содержался своего рода манифест будущих участников Белого движения, шедших за вождями: «Слава Каледина – наша общая

¹ Там же. Л. 15об.

² Там же. Л. 16об.–17.

³ Там же. Л. 17об.

слава, за которую мы умрем. Мы недаром исходили Галицию, мы недаром положили на алтарь Отечества наши лучшие силы. Мы верим в тех людей, которые неизменно нас водили к победе, и только за ними, а не за политическими шарлатанами, мы пойдем!»¹ В тяжелые периоды развала армии Рот все чаще обращался к воспоминаниям о славных страницах начального периода Первой мировой.

Запись от 2 сентября о неудаче Корнилова проникнута печалью: «Неужели последняя ставка проиграна, неужели пропала страна? Россия, страна побед, века истории, где Ты, великая Россия, что с Тобой, где Ты? – Мы гибнем; только Вам сильным нашим вождям принадлежит слово, только за Вами, сильные духом, мы пойдем!»² В следующей записи от 8 сентября прямо говорится, что надежд на лучшее нет. Россия до корниловского выступления напоминала Роту покойника, уложенного в гроб и опущенного в могилу. Существовала вера в то, что покойник сумеет воскреснуть, но после неудачи Корнилова могилу засыпали³.

В записи от 9 сентября прослеживается тревога в связи с арестами и казнями. Автор дневника удивлялся, что сам не был арестован⁴. С каждым днем новости становились все удивительнее. В записи от 17 сентября отмечено, что XXXIX армейский корпус вынес резолюцию о немедленном мире и уходе по домам. «Вот и система Верховского и К^о-управлять убеждениями, а не палкой. Недурное понимание психологии масс и солдата! Бездарные идиоты, стоящие у власти, куда вы завели мою Родину, за сколько продали ее немцам?»⁵

В записи следующего дня Рот отметил: «Полный развал и разруха. Ряд бестолковых распоряжений. В управлении утрачены последние проблески здравого смысла. Чужие части неожиданно залезают в район дивизии, причем проходят дни, пока докопаешься, каким образом они сюда попали»⁶. Банды дезертиров вели беспорядочную стрельбу по лесам. Разложение коснулось и донских казаков, хотя шло у них медленнее. Н.А. Рот резюмировал: «Скоро

¹ Там же. Л. 17–17об.

² Там же. Л. 18.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 22об.

⁶ Там же.

не останется ни одной порядочной части, мы станем истинно “революционной” армией. Вот до чего мы дошли!»¹

19 сентября офицер написал, что теперь комитеты должны предоставлять комиссарам сведения не только про политическую благонадежность командного состава, но и про служебные достоинства. Таким образом, аттестовать генштабиста должны были несколько неопытных офицеров и безграмотных солдат. Абсурдность нововведения вызвала справедливое возмущение: «Меня, штаб-офицера Генерального штаба, получившего высшее образование, владеющего несколькими языками, имеющего громадный служебный и боевой опыт за почти три с четвертью года войны, фактически, командовавшего порой не только дивизиями, но и корпусами, – меня будут судить и оценивать, и кто?

Но не я один; в подобных условиях и начальники дивизий, и командиры корпусов, и все высшее начальство.

Когда я это узнал, как ни странно, но я расхохотался. Куда же дальше идти, может ли в большей степени проявиться человеческая глупость? Людям, ничего не понимающим в военном деле, дают право судить тех, кто посвятил свою жизнь, чтобы изучить его! К чему же тогда училище, академия, боевой опыт? Оказывается, ничего этого не надо; чтобы победить, надо заниматься лишь “углублением” революции! Недаром г-н Верховский, который в свое время, как общее посмешище корпуса, декламировал стихи и рассказывал анекдоты старшему классу на сон грядущий, – недаром этот г-н Верховский изрек великую истину, что теперь во главе армии нужны не люди с боевым опытом, а лишь те, которые будут проводить идеи демократии. Недурная оценка полководцев во время величайшего испытания – войны!»². Отметим, что будущий военный министр Временного правительства А.И. Верховский учился в Пажеском корпусе некоторое время с Н.А. Ротом.

После 19 сентября и до 11 ноября в дневнике записей не было. Запись от 11 ноября из Думбровицы касается событий 1915 г. и, возможно, включена переписчиком в дневник 1917 г. по ошибке. Следующая запись сделана уже 8 декабря в станице Кривянской на Дону и ретроспективно охватывает переброску 2-й Сводной казачьей дивизии в родные места. Поскольку этот фрагмент носит исключительно важный характер, затрагивая малоизвестные, но

¹ Там же. Л. 23.

² Там же. Л. 23–23об.

значимые эпизоды революционной эпохи, приведем его целиком: «Прямо не верится, что я на Дону, что в краткий срок времени судьба перебросила меня с берегов Стири и Пинских болот в широкие степи!

Однако это так. Мне случайно пришлось сыграть небольшую роль в историческом “исходе казачьих войск” в родные земли, и это событие попробую восстановить в памяти и набросать вкратце.

25 ноября утром я очутился в поезде и мирно ехал в Коростень в надежде, поймав свой эшелон, прямо проехать на Новоград-Волынский, где я должен был найти штаб дивизии. Но судьба решила иначе. На станции Коростень я застал столпотворение Вавилонское; там сосредоточились три эшелона линейцев и обе оренбургские батареи. Сначала было получено приказание от Черячукина¹ направиться в Белую Церковь через Казатин и Бердичев, потом другое приказание от Степанова² ждать указаний на месте.

Офицеры окончательно сбились с толку, казаки волновались, были возможны эксцессы; вдобавок, Подольская дорога заявила, что дать паровозов не может. Обстановка требовала принятия энергичных мер, иначе люди окончательно ушли бы из рук и что было бы тогда – неизвестно. Я принял решение забрать в свои руки управление Линейным полком³ и батареями, и вести их на Белую Церковь через Киев, несмотря на приказание оставаться на месте.

Мною было отдано приказание дать паровозы, в противном случае я не ручался за целостность станции. Угроза возымела действие, и скоро я катил с первым эшелонном на Киев, без всяких документов, кроме уже отмеченного распоряжения идти в Белую Церковь.

Великий “исход казаков” начинался, и начинался явочным порядком, пожалуй по моему почину⁴, но, повторяю, обстановка требовала взять стихийное движение в свои руки, иначе вышло бы черт знает что, да и в ту минуту я еще верил в то, что сосредото-

¹ Генерал А.В. Черячукин был командующим 2-й Сводной казачьей дивизии.

² Генерал Н.А. Степанов был начальником штаба IV казачьего корпуса.

³ Имеется в виду 1-й Линейный генерала Вельяминова полк Кубанского казачьего войска.

⁴ Н.А. Рот несколько преувеличивает свою роль. Переброска дивизии на Дон осуществлялась по распоряжению главнокомандующего армией Юго-Западного фронта генерала Н.Г. Володченко.

точенное в разных местах казачество сможет спасти хоть остатки моей несчастной родины.

Подъезжая к Киеву, испытывал сильное душевное волнение: вдруг не пропустят? что будет дальше, как поступать? У поста Вольнского эшелон задержали. Я поехал в Киев, нахально влез к коменданту и просил его немедленно приготовить мне пять паровозов для следования в Белую Церковь. К моему великому удивлению комендант не только не спросил никаких документов, но даже распорядился немедленно дать паровозы, и я лично привел паровоз к своему эшелону. Хорош бы я был, если бы с меня потребовали документы; кроме газетной заметки, что Центральная Рада решила пропустить казаков через Украину, в моем распоряжении никаких документов не было. Мы благополучно достигли Фастова, где было получено распоряжение о следовании через Казатин и Ростовицу. Я недоумевал, но пошел по новому направлению. По счастью, дело было ночью, казаки ничего не заметили, иначе, наверное, были бы эксцессы, и они отказались бы идти.

27-го ноября утром мы прибыли в Казатин. Сюда же прибыл через Бердичев эшелон с пулеметной командой Линейного полка, который чуть не погиб около Печановки от взрыва склада с огнестрельными припасами. В Казатине я узнал, что штаб корпуса уже в Ростовице. Я вызвал по телефону офицера и от него узнал, что надо двигаться в Ростовицу, где штаб корпуса стоит еще в вагонах. На мой вопрос, где предстоит разгрузка, мне ответили, что разгрузки не будет, но что больше по телефону мне сказать ничего не могут. Было ясно, что назревает какая-то комбинация, но двинуть людей дальше было трудно. Едва удалось убедить 1-ю Оренбургскую батарею, что от движения на Ростовицу, как от движения на восток, мы только выгадываем. Вместе с тем, оставаться в Казатине в узле путей только опасно, на случай какого-либо взрыва, как то было в Печановке. Батарея послушалась и пошла, вслед за ней потянулись и Линейцы.

В Ростовице я явился в вагон командира корпуса. Там я узнал, что корпус явочным порядком направляется на Дон. Мне предложили вести первый эшелон и в случае задержек действовать силой. Другой директивы мне не дали, единственное, что я узнал, это то, что Центральная Рада не препятствует перевозке и что штаб фронта закрывает на это глаза, решив “не препятствовать злу”.

С общегосударственной точки зрения начиналось преступление, причем я, как ведущий весь корпус за собой, принимал в этом

видное участие. Но я верил в то, что на Дону может создаться то ядро, которое впоследствии будет в состоянии объединить и спасти мою родину, и на это преступление я пошел. Задача была трудная, надо было фактически протянуть за собой корпус, не имея на то никаких документов и никакого разрешения.

Утром следующего дня я был в Христиновке. Сначала мне дали паровоз, но потом пошли переговоры: почему я еду, кто приказал и т.д. К слову сказать, было получено распоряжение от штаба фронта, что корпус надо выгружать в Ростовице. Положение усложнилось. Я прибег к старому способу – обещал разнести станцию – и меня пропустили.

В Бобринской, куда я прибыл на следующий день, дело было проще; там меня пропустили беспрепятственно и ночью 29 ноября – около полуночи – я достиг Кременчуга. Перед городом, при проезде через Днепр, я внимательно следил за рекой; Бог его знает, могли же устроить взрыв на мосту, но все обошлось благополучно.

На станции случилось первое серьезное препятствие. Я уже лег спать, вполне уверенный в дальнейшем продвижении, когда ночью меня разбудили и сказали, что какой-то “революционный штаб” препятствует продвижению. На вокзале, действительно, сидела какая-то мрачная личность, которая вела переговоры с Харьковом, можно ли пропускать эшелон или нет. Я извелся, дал 15 минут сроку для получения паровоза и вызвал полусотню для принятия активных мер.

Полусотня явилась и, пока истекали 15 минут, казакам было объявлено, что дальнейшему их продвижению мешает “революционный штаб”, представитель которого находится здесь на телеграфе. Эффект получился вполне естественный – казаки загалдели и пожелали увидеть представителя “штаба”, чтобы поговорить с ним. Я принял трагическое лицо, вошел в телеграфную комнату и сказал: “Вот видите, что вы наделали вашими разговорами! До сих пор эшелон был в моих руках, теперь власть уходит из моих рук, казаки вас требуют к себе; потрудитесь идти к ним, причем теперь я ни за что не ручаюсь, так как вы сами их толкали на эксцессы”. Г-н “революционный член” побледнел, то же случилось и с начальником станции; последний начал немедленно разговор с Полтавой, объявив, что он сейчас бросает все, т.к. не желает отвечать за проделки “штаба” перед казаками. Между тем, казаки уже обступили злосчастливого представителя демократии, и в толпе уже слышались крики: “Да чего на него смотреть, хватай его в эшелон,

мы там поговорим с ним!” Не успел я опомниться, как представителя схватили, дали ему несколько затрещин и потащили в эшелон. На его счастье в это время прибежал начальник станции и не своим голосом закричал, что пропуск получен. Мой окрик казакам бросить пленного, благо результат уже достигнут, по счастью возымел действие, и последний, рассыпаясь в благодарностях, исчез “яко тать в нощи”.

Я мирно спал в поезде, когда утром, в пятом – шестом часу, меня разбудили и доложили, что путь перед Полтавой разобран, что дальше двигаться нельзя и что меня просит к аппарату “начальник революционного штаба”. Я выругался и пошел на телеграф. У аппарата оказался некто “господин Козюра”. Разговор был краток. Меня спросили, по чьему приказанию и куда я следую. Я ответил, что по приказанию командира корпуса, а куда – мое дело. Дальше последовали торги о том, какой у меня документ, и в результате – предложение переговорить лично. Я согласился. Было отдано приказание продвинуть мой эшелон вперед, на последнюю станцию перед Полтавой, что и было исполнено. Там я имел свидание с г-ном Козюрой. Я принял его в вагоне, как римский консул, окруженный свитой и ликторами (все это изображала 1-ая сотня линейцев, уже к тому времени бывшая всецело в моих руках). Руки я, конечно, не подал. Разговор был краткий. У меня спросили документы, по которым следую, и обещали пропустить по одному эшелону в сутки – и только потому, что были кубанцы; “донцов не пропускаем”, доложили мне. Я требовал пропуск в сутки всего авангарда (семь эшелонов) и поставил условием ждать до вечера. На этом мы разошлись. Было ясно, что и противнику, и мне надо было время для того, чтобы изготвиться: ему – для организации обороны, мне – чтобы сосредоточить свой авангард. Пока что я выставил вперед полевой караул и приказал вывести лошадей, которые не выходили из вагонов около недели. В первом часу дня возник опять разговор по телеграфу о каком-то депутате, которого арестовал следующий за мной эшелон. Меня просили его освободить. Я ответил, что сделаю это по выяснении обстоятельств его ареста, а пока что передам его в корпус.

Часы шли, наступил уже вечер. Скажу по совести – я колебался. Передо мной стояла задача атаковать сильно занятый город. Средства были минимальные. Максимум, что я сосредоточить для непосредственного удара, было: две сотни линейцев, пулеметная команда в 10 пулеметов, две батареи. Мне не хватало самого нуж-

ного – пеших бойцов. Мой эшелон давал 52 человека; 4-я сотня, бывшая в моем распоряжении, давала, также, не больше. Предстояла задача открытой силой, со ста человеками, взять вокзал, причем половину людей надо было оставить в прикрытие лошадей, пулеметов и артиллерии. Я уперся в тупик – было ясно, что задача мне не по силам. От поездов, прибывавших со стороны Полтавы, поступали сведения, что город приводится в оборонительное состояние; всюду, на полотно железной дороги наводятся пушки и пулеметы, и многотысячный гарнизон готов дать серьезный отпор. Я колебался, послал донесение Гилленшмидту¹, что задержан, что считаю необходимым спешиться, начать разведку и что, только с приходом главных сил корпуса, можно рискнуть атакой.

Часы шли, уже опустились сумерки, и вдруг, наступил психологический момент, перелом в ходе операции. Мне стало совершенно ясно, что никакой поддержки из тыла не может быть; что судьба дальнейшего продвижения корпуса всецело в моих руках и что только я могу решить задачу – идти ли 4-му казачьему корпусу на Дон или бесславно погибнуть – развалиться в колебании, что делать, перед Полтавой! Мысль была ясна. Я слишком долго дрался и слишком привык принимать решения на свой риск, чтобы колебаться. Я принял решение атаковать с тем, что было под руками, и сейчас же – точно мои мысли прояснились – мне стало ясно, что надо делать.

Я вызвал к себе на станцию командиров 1-го Линейного полка и 1-го Оренбургского дивизиона², и отдал соответствующие приказания. Было ясно, что только покров ночи может прикрыть нашу малочисленность, и на этом принципе была основана вся операция. Согласно директиве, пять эшелонов, бывших в моем распоряжении, назначались для атаки станции. Эшелоны должны были сосредоточиться: три на последней станции и два на предпоследней перед Полтавой. Ударная часть (1-я сотня линейцев, пулеметная команда и 1-я Оренбургская батарея) должны были идти друг за другом в ста саженьях. Остальные два эшелона (4-я сотня и 8-я Оренбургская батарея) следовали сзади и составляли резерв. Весь

¹ Я.Ф. фон Гилленшмидт был командующим IV казачьим корпусом.

² Рапорт об эвакуации 1-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона опубликован в: *Ганин А.В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 674–684.

удар возлагался на 1-ю полусотню первой сотни (26 штыков) под моей командой. План был прост: ворваться сразу тремя эшелонами на станцию, арестовать все начальство, атаковать паровозное депо, взять паровозы и следовать дальше. Для операции предназначалось 26 казаков – предприятие безумное, но я сам решил его выполнить и уже в это время настолько владел казаками 1-ой сотни, что ни [на] одну минуту не сомневался в успехе предприятия.

К 11 часам вечера мои три эшелона сосредоточились на головной станции. Начальник станции и все машинисты (к слову, они все очень хорошо к нам относились) долго уговаривали меня не идти вперед, пугая ужасами предстоящей бойни. Но я был тверд, благо решение было принято. В 11 1/2 часов я арестовал все станционное начальство, передал в Полтаву, что иду на станцию и двинулся вперед на удар. Я подходил к Полтаве с некоторым колебанием; меня пугали, что путь был минирован; на паровозе у меня был офицер и полевой караул.

Мы благополучно прошли два моста и подходили к семафору станции. Вдруг спереди – нечеловеческий крик: “Стой, стой, начальника эшелона вперед!” Я вышел и двинулся к паровозу. – “Кто требует”, – спросил я. Последовал ответ: “Казачий комиссар и делегация города Полтавы”. Было ясно, что раз делегация, то дело выиграно, и противник струсил. Но тут вышел инцидент, давший мне большой козырь при дальнейших переговорах. Не успел я поравняться с вагоном, в котором сидела 1-я полусотня, как последняя горохом выкатила оттуда, и со всех сторон около меня очутились мрачные фигуры в бурках, защелкали затворы и лязгнули штыки. Офицеры и казаки хватили меня за полусубок: “Не идите, г-н полковник”, слышались голоса, “да что тут рассуждать”, говорили другие, “идем за полковником, он наш, не выдавай его!”. Было ясно одно, что с этой полусотней уже можно было рисковать на все, что угодно; люди были у меня в руках. Казачий комиссар бросился вперед, умолял задержать наступление, обещал пропуск и просил лишь одно – сейчас же переговорить с депутацией, которая ждет у семафора. Я согласился и, окруженный казаками, не желавшими меня оставлять, пошел к семафорной будке.

В семафорной будке начались переговоры. Депутация прочла мне постановление местного гарнизона: выдать все оружие, и только при таких условиях соглашались пропускать. Еще требовали выпустить арестованного депутата. Я молча слушал протокол заседания “собачьих депутатов”, нервно колотя ногой об пол.

Кругом стояли мои казаки, мрачно слушая позорящие условия. Я начал говорить. Редко когда-либо я говорил так решительно и, пожалуй, красиво, как тогда. Я напомнил, что сложить оружие предлагают только побежденному, я же далеко не побежденный, а победитель, т.к. не я первый затеял мирные переговоры. Слова свои я закончил эффектной фразой, примерно так: “Мы три года недаром исходили Галицию. Мы своею кровью приобрели право носить оружие и только с нашей кровью вы его отнимете!”

Слова мои возымели страшное влияние на казаков. Последние схватились за шашки и кинжалы. Послышались крики: – “Что? Отдать оружие? Ни за что! Ведите нас вперед, господин полковник, мы им покажем” и т.д. Депутаты смутились и осели. Они нерешительно заявили, что если мы пойдем вперед, то нас встретят пушки и пулеметы. На это я ответил многообещающей фразой: – “Тем лучше, завтра мы заберем ваши пушки и пулеметы, и украсим ими, как трофеями, подъезд дворца атамана Кубанского войска в Екатеринодаре!”

Люди опять взялись за шашки и крикнули, кто “ура”, кто “правильно”, кто “вперед”. Депутаты были выбиты из колеи. Им стало ясно, что люди всецело в руках начальника и что анархии нет. После последовала просьба выпустить депутата, на что я согласился, мотивируя свое согласие тем, что настолько ничтожная личность для меня никакого интереса не представляет. На это мне заявили, что почва для соглашения найдена и что меня или какую-либо депутацию (желательно “комитет”) просят в Полтаву для совместного заседания с советом “собачьих” депутатов, для окончательного решения вопроса. Я отлично знаю, как эти совместные заседания влияют разлагающе на людей, поэтому я сразу обратился к собравшимся казакам с вопросом: – “Желаете ли, ребята, чтобы я защищал ваши интересы, или поручаете другому?” Искра пробежала среди людей; редко когда-либо так дружно гаркнули: “Просим”, как тогда. Очевидно, я был хозяином положения. Я назначил ехать с собой несколько офицеров и двух казаков, затем отстегнул шашку и револьвер, и сказал депутатам, что готов. Мы сели в вагон и поехали на вокзал, где заседал совет. Меня ввели в вагон-салон, занимаемый “советом” (он же “штаб”). Входя в вагон, я не удержался от фразы: “Вагончик-то у вас буржуйный, не похож на пролетарский!” Депутаты сконфузились и что-то пробормотали в ответ.

И вот, я очутился в обществе “собачьих депутатов”. В жизни не приходилось иметь дело с такой сволочью. Почти все “высокое

собрание” состояло из представителей “избранной нации”. Надо отдать справедливость, что редко физиономии моих оппонентов были так созданы, чтобы въехать туда от души кулаком. Очень был хорош председатель, “товарищ Каска”, личность в бобровой шубе и соболем воротнике. Я полагал иметь дело с инженером из типа железнодорожных хищников в либеральном стиле. Но “почтенный” председатель оказался солдатом – очевидно шуба была не куплена, а просто украдена у какого-нибудь “буржуя”. Со мной обращались вежливо. В то время, как моим офицерам и казакам говорили “товарищ”, меня называли “г-н полковник” или, правда изредка, “полковник”.

Дело началось с длинной и скучной полемики об аресте “собачьего депутата” в Кременчуге, затем перешли на форменный вопрос: кто мы, куда идем и не собираемся ли поддерживать Каледина (О, если бы эта сволочь узнала, что говорит с человеком, семь месяцев воевавшим с генералом и шедшим теперь специально его поддерживать – воображаю, что за лица были бы у них!). В конце концов дошли до цинизма предложить мне дать подписку, что мы не пойдем против “революционной демократии” и не будем поддерживать “контрреволюционных генералов”.

Время шло в праздном “словоблудии”; я извелся (благо хотелось спать) и поставил ультиматум – тут же категорически дать мне ответ: пропустят ли завтра мои семь эшелонов и, конечно, при всем вооружении, или нет; если нет, сказал я, то сейчас же приступлю к атаке, причем за пролитую кровь снимаю с себя всякую ответственность. После ультиматума последовали краткие прения. Девять или десять голосов оказались благоразумно за пропуск и лишь трое голосовали за разоружение. Я вышел победителем, и тотчас же было отдано распоряжение первым трем эшелонам идти в Полтаву, а я с г-ном Козюрой пошел на станцию условливаться о дальнейшем продвижении вперед. Но вот, все приказания отданы, на рассвете начинается продвижение всех семи эшелонов, друг за другом, как я требовал.

Я ходил по платформе, не хотелось спать; на ум лезло былое величие России, связанное со священным именем Петра и Полтавской победы. Вспоминались слова поэта: “Лишь ты воздвиг, герой Полтавы, огромный памятник себе!” Я был далек сравнивать себя, в только что происшедшей трагикомедии, с полтавским победителем, но небольшой скромный памятник я тоже воздвиг себе... и этот памятник был в сердцах людей!

С тех пор, когда в период длительных стоянок на станциях, пока чинили паровоз, я мрачно шагал вдоль эшелона, рассчитывая, что каждая минута дорога, чтобы помочь Каледину атаковать Ростов, – ни один казак не проходил мимо меня, не отдав чести. Когда пришлось ехать сутки в вагоне-теплушке, ввиду порчи классного вагона, и помещаться с людьми, последние мне доказали, насколько они уважают меня. При моем входе все вставали, умолкали разговоры, бросались папиросы и только с моего разрешения позволяли себе курить. Когда я дремал в углу на бурках, разговоры прекращались и говоривших обрывали словами: “Тише, полковник спит!” В Новочеркасске же, когда я объявил людям, что атаман войска Донского приказал им следовать домой к себе на Кубань и что я благодарю их за службу, – они схватили меня на руки и долго кричали ура. Жаль было, что опоздали ко взятию Ростова: с этими людьми можно было сделать все, что угодно!

Дальнейшее продвижение шло гладко. 2^{-го} декабря мы вступили в область, а 3^{-го}, в Атаманском дворце, я являлся Каледину с докладом, что авангард 4-го казачьего корпуса прибыл в его распоряжение.

Итак, я протащил на Дон не только вверенный мне авангард, но и непосредственно идущие за ним штабы дивизии и корпуса со всеми тыловыми учреждениями. Я прошел 1400 верст¹.

Дневниковая запись от 18 января 1918 г. касалась разложения донских казаков, полки которых самовольно расходились по домам, а фронт держали одни партизанские отряды. Рот делал вывод, что казачество провалилось на экзамене на патриотизм, оказавшись алчной массой, не способной на широкие задачи. В записи от 26 января офицер пророчески рассуждал о своей возможной гибели, поскольку борьба Дона подходила к концу, а казаки отказывались исполнять приказы. «Здесь у себя, они окончательно из воинов обратились в мелких собственников, в мелких торгашей. Вопрос о том, что если он не явится сейчас домой, то у него пропадут несколько грядок или сломают забор или сосед стащит десяток яблок или груш, – совершенно заслонил в нем вопрос того, что если он сейчас не возьмется за оружие для коллективной обороны привилегий казачества, то от этих привилегий останется лишь дым. Если социал-демократы доберутся до области и наведут

¹ *Рот Н.А.* Выдержки из дневника офицера Генерального штаба (апрель 1916 г. – январь 1918 г.). Тетрадь 2. Л. 24об.–33об.

здесь свои порядки, то казаки с 10–15 десятин будут ссажены на 2–3 десятины. И поделом; кто не защищает себя, неминуемо гибнет; он значит слаб. Сильным лишь принадлежит мир»¹.

Последняя запись в дневнике сделана 29 января 1918 г. и касалась краха обороны Дона и самоубийства атамана А.М. Каледина. Последнего автор дневника оценивал как крупную историческую величину, выдающегося кавалерийского генерала и единственного порядочного человека в донском руководстве. Офицер отмечал, что ему не жаль развала Дона, поскольку он уже ранее с болью принял развал России.

Дневник Н.А. Рота является интересным документом своей эпохи. Он не только расширяет представления о переломном периоде истории нашей страны, но и является по существу единственной памятью о забытом офицере русской армии, оказавшемся жертвой Гражданской войны, а также о его сослуживцах.

¹ Там же. Л. 35.